

Владимир СИЛКИН

Гремит полковая музыка...

Они заслужили по праву
Улыбки пленительных дам,
Которые так же, как слава,
За ними идут по следам.

И прячут припухшие губы,
Готовые петь и любить...
И нету ещё скалозубов,
И некому армию бить.

***

А я опять историю листаю,
Иду туда, где скачет печенеж,
Где поле Куликово заметает
И кровь, ещё не высохшую, снег.

Она сочится из-под снега ало,
И, как польня, горька и холодна.
И сквозь века она меня достала,
И обожгла дыханием она.

Солёная и с привкусом металла
Стрелы калёной или же копя,
Напоминает, что ты испытала,
Воюющая Родина моя.

Пройти бы мимо, не поведишь бровью,
Но не ступить ни шагу – всё она.
Нет ничего страшнее нашей крови
И страшного понятия война.

Алеет снова, током бьёт по нервам.
В моих глазах темно до тошноты,
Но я смотрю, как ломит в сорок первом
Людская кровь бетонные мосты.

Плавают хаты и горит пиеница,
И за селом притихшим у реки
Хохочут два откормленные фрица,
Младенцев поддевая на штыки.

Но я смотрю, хочу запомнить это,
Чтоб не простить, чему прощенья нет, –
Кровавого военного рассвета,
Залившего собою белый свет.

Неужто слов моих никто не слышит,
Неужто мир покоится в тепле?
Ведь кровь погибших, обжигая, дышит
В такт всем сердцам, стучащим на земле.

Владимир Силкин окончил Военно-политическую академию. Служил в Белоруссии, Венгрии, Сибири, на Дальнем Востоке, в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР и РФ, Военно-художественной студии писателей МО РФ, Полковник запаса. Автор более тридцати пяти книг стихотворений.
Секретарь правления, председатель комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей России, член исполкома Международного сообщества писательских союзов, начальник Военно-художественной студии писателей культурного центра ВС РФ им. М. В. Фрунзе.
Лауреат Государственной премии России. Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Почёта, ордена Русской Православной Церкви святого благоверного князя Даниила Московского. Почётный гражданин города Рязань Рязанской области, где его именем названа библиотека. Книги Владимира Силкина находились в космосе на международной орбитальной станции «Союз ТМА-5» и в кругосветных морских плаваниях на парусных «Надежда» и «Крузенштерн».

В Париже 1814 года

Гремит полковая музыка,
И кажется, будто вчера
Волнующе многоязыко
Победное вьётся: «Ура!».

Забиты походные карты,
На солнце блестят кивера.
Последний приказ Бонапарта
Зачитан сегодня с утра.

Военная музыка марта
Слезит парижанкам глаза,
Когда уезжает с Монмартра
Великой России князь.

Приказ

Дежурный генерал Паисий Сергеевич Кайсаров и старший адъютант Кутузова Иван Никитич Скобелев готовили приказ по итогам Военного совета в Филях.

Вошёл Кайсаров, бел, как мел,
Кутузова оставив в сите.
И не сказал, а прохрипел:
«Светлейший ждёт приказ... Пишите...»

«Секретно»... Скобелев писал,
Рука дрожала на бумаге,
Не верил, что Кутузов сдал,
Лишившись сердца и отваги.

Москву. В глазах было черно –
Москва поставлена на карту
И отдают Бородину
Уже без боя Бонапарту!

И что, напрасно кровь текла,
И сожжены французом села?..
Россия подвиг ждала,
Но подвиг вышел невесёлым.

Шептал Кайсаров: «Сдать Москву...»
А Скобелев не верил фразе.
Не верил он, что наяву
Она появится в приказе.

Непобеждённые полки
В рассветном марше тончили.
Суворовские старики
Вперяли взгляды в них, как пули.

Приказ, на то он и приказ,
Что выполнять солдату надо,
Но слёзы капали из глаз
У тех, кто одолел преграды.

Но будет Русь жива, пока
Идут войска, сверяя карты.
И знают, больше для броска
Не хватят сил у Бонапарта.

Скобелев

От бессмертья и вечности в шаге,
Он гарцует на белом коне...
И решился писать Верещагин,
Как и многих писал на войне.

Средь невиданных роз Казань
И средь шапок, взлетающих вверх,
Средь солдатского мощного крика,
Так пожего на фейерверк,

Средь штыков, что тупыми не стали,
Среди славы, идущей вослед,
Верещагин согит над листами,
Где пока ничего ещё нет.

Едет Скобелев в кителе белом,
Все обиды и раны прошли,
Кавалерам, кому не успел он,
Посылает поклон до земли.

Что за думы сейчас за душою,
Что за слёзы случайно стекли?
Не случайно его Ак-пашою,
Не случайно, враги нарекли.

Вьются наши победные стяги,
Нескончаемо льётся: «Ура!»
Закрывает мольберт Верещагин,
Бывший сам под ирапнелью вчера.

Поля российские

Такая тишь... Оклинуть некого.
Один лишь Млечный Путь давно
Пролёт к разведку Дубосеково
И дальше до Бородино.

И в тишине подлунной слышится
Дыхание земли родной.
И так легко и просто движится
Берёзовую тишину.

Поля российские... Над бедрами,
Из плоти матери-земли,
Из глубины веков победными
Цветами жизни проросли.

Земля былинная, сурова
Будь, доброту в себе храня,
Во славу поля Куликова,
Во славу завтрашнего дня.

Большая Алешня

Памяти владельца села Большая Алешня, Героя Отечественной войны 1812 года, Георгиевского кавалера, лежурного генерала при М. И. Кутузове Петра Андреевича Кикина.

Большая Алешня, Большая Алешня...
Вдали от больших автострад
Взметнулся шиповник и редкий орешник
У низеньких сельских оград.
Сuisseйной дорожки минута до замка,
До парка, где были мостки,

До церкви забытой, до рухнувшей арки,
До высохшей рядом реки.

За снежной зимою, дождливой весною,
То в пьянках, то в спешных делах
Духовность страны оставалась стернёю
В широких российских полях.

И грустно, и больно: кольцо Золотое
Алешней замкнута не смогли.
Неужто уже ничего он не стоит,
Клочок этой древней земли!

Шебечут дожди свои тихие сказки,
Стекают в село под горой,
Где лишь голубые аютины глазки
Печально мигают порой.

Молитва

Пусть не кончается жизнь на земле,
В доме не гаснут лампадки,
Пусть будет хлеб у людей на столе,
Пусть будет соли в достатке.
Пусть будет чистой в кубине вода,
Пусть будет сердце спокойно,
Пусть ни за что никогда-никогда
Нас не касаются войны.
Пусть будет в доме бело от снега,
Пусть будут добрыми люди,
Пусть у России не будет врагов,
Пусть у меня их не будет.
Пусть будет небо, а звёзды во мгле
Светят и морю, и полю...
Боже, даруй моей милой земле
Самую лучшую долю.
Пусть её счастье не будет конца,
Так она вынесла много,
Дай ей покой во имя Отца,
Сына и Духа святого.

Владимир ЛОРИЯ

Чей-то отчаянный парус..

И участи иной достоин,
Изгой в изношенном пальто.
Он офицер, он бывший воин,
А ныне лишь шофёр авто.
Вот гаснут медленные лампы,
Замолк двусмысленный канкан.
И русской бойни страшной зальты
Являет встyxнувший экран.
И кульминация картины –
В зубах сигара, в пальцах трость –
Сотвазой редкостной мужчины
Идут в атаку в полный рост.
Вдруг он кричит, вставая грузно,
Он в зал кричит, как на войне:
«Смотрите, господа французы,
Какими были мы в огне!».
Как будто вновь он, в бой идущий, –
Парижу дерзостный пример –
Шофёр авто, рабочий, грузчик,
А сердцем – русский офицер.

***

Темнеет в низких небесах.
По-зимнему уже прохладно.
Старик, закашлявшись надсадно,
Подтянет гири на часах.
Потом уставится в окно,
Где мимо проплывёт телега.
И в ожидании скором снега
Достанет серое сукно,
То есть шинель свою достанет.
Он помнит, как её тепло,
Его когда-то сберегло,
Когда в снегах чужих был ранен.

Белла чао

(9 мая 1962г.)
Вино струилось, вино играло,
А после здравец звучал хорал
Во славу павших, кто пожил мало,
Кто безмянным навеки пал.
Стол поминальный, как некий острый
Для тех счастливых, кто уцелел;
И памада наш вдруг вместо тоста,
Забыв каноны, хмельной, зател.
Не на грузинском и не на русском,
Но ясно было, что про любовь.
Смешались в песне тревога с грустью,
Решимость юных ввязаться в бой.
Он пел сурово и величаво,
Гарibaldiец – могучий лев.
Мы повторяли: «О, белла чао».
Как рокот моря, его напев.
Я пел с восторгом: «О, белла чао».
Коснулся кожи моей мороз...
И песни этой поныне чары
Волнуют душу мою до слёз.

Сент-Женевьев-де-Буа Октябрь 2008

Замер над розою бражник.
Чуть побурела трава.
Сколько здесь наших сограждан –
Сент-Женевьев-де-Буа!
Мимо известных надгробий
Стихою грустью пройдусь.
Сколько Господних подобию
Ты здесь оставила, Русь?
Через замшелые плиты
Тянется дым от костра.
Под Перекопом разбиты,
Прокляты и позабыты,
В Галии спят юнкера.

Наваждение

Осенний шум, я в нём услышал
Давно минувшие года:
Вот паровоз у стрелки дышит,
И надвигается беда.
Железный хохот пулемёта,
Хлопок ружейных трескотня,
Дальнее «Ура!» пехоты,
И очумелый храп коня.
И люди в панике, как овцы
От волка, рвутся на вокзал,
Где горсть отчаянных дроздобцев
Готова встретить красный вал.
И лишь на Бога упование,
Пришлёт ли с неба легион?
Мятежным временем изранен
Последний колокольный звон.
Свисток пронзительный, и пориень
Сдвигает сонмище колёс...
Земля родная, нету горше
Твоих невыплаканных слёз.

***

Париж беспечен был в тридцатых:
Мосты в гирляндах и дома,
Лихой Чапаев на плакате –
Спешат французы в синица.
А на подмостках пляшет клоун
И кегель валится на бок...
Чужою музыкой окован,
Он в душоном зале одинок.

Мэтр

Хрестоматийная наивность,
Когда мир ясен был и прост:
Тюльпанов жёлтых диких дивность,
Разрушенный Немецкий мост.
Гуденье пчёл над цветом сливы,
Польную дышащий простор,
Степей ленивые разливы,
Дальние алмазы гор.
И жаворонка песнь в зените,
Внезапный пароксизм дождя...
Таких красот я и на Крите
Не видел много лет спустя.
И как не вспомнить это чудо
В прошествии полсотни лет.
Мальчишки были на этюдах,
Сопровождал нас старый мэтр.
Срывать лицом, суровым, строгим,
Со шрамом грозным на щеке,
Он помнил ратные дороги,
Он кисть держал, как штык, в руке.
В раздумии присев на щепень,
В окрестности взглядывался он,
А после штрих его волшебный
Преображал пустой картон.
Он зачарованною кистью
Сумел мне исподволь сказать,
Что власть – одну из низких истин –
Соптчиной надо различать.

***

Венчик свечки медно-красен,
Замер чуть от удивенья,
В окна светит жёлтый ясень
В это самое меновенье.
В это самое меновенье
В блеске звёздном мирозданья –
Ночь и я, и вдохновенье,
И химеры подсознанья.
Там архангела не встретишь
С позолоченной трубою,
И как с ветром дальний ветер,
Повстречаешься с собою.
И сквозь ночи отрешённость,
В свете молнии-рапиры,
Вдруг узришь незавершённость
И бездонность сего мира.

***

Там за стеной еле слышима музыка,
Губы мои горячи и сухи...
Я представлял тебя, нежную – музую,
Ночь в упоеньи читала я стихи.
Ты же, богиня с атласною кожей,
Тихо, на ми, забывалась во сне.
Как ты была на других непохожая,
Так, молодому, мерещилось мне.

Я всё читал своим горлом измученным
Драму о жизни и смерти Шенье.
Где-то звучала из Генделя музыка.
Сердце моё трепетало в огне.
А за окном нарастало свечение, –
Ты, словно солнце, вошла в мою горю.
Что это было – игра? Увлечение?
Может, и было всё это – любовь.

Миранда

Ходит в разбуженном море
Пенистых гребней аркан.
Нежно обьял плоскогорье
Синий подвижный туман.
Дикая удаля и ярость:
Молнии лобит иглу,
Чей-то отчаянный парус,
В ночь зарывався и мглу.
Волны в свирепом азарте
Прут на подветренный борт.
Дремлет жеманная Ялта,
Некогда знатный курорт.
Женщину звали Миранда,
Шлейф её тонких духов
Помнит ночная веранда –
Утлый ковчег моих снов.
Сердце вдруг рыбкой летучей

То в глубину, то на взлёт...
Не было женщины лучше
В тот приснопамятный год.

***

Я когда-нибудь, может, забуду
Топлей желтолиственный ряд,
Багровевшие кроны над прудом
И воды оловянную рябь.
Зимки розовой нежную пряжу –
Первый снег, что упал на Покров,
Виноградные глаз твоях влажных,
Сочных губ подсознательный зов.
А пока не пришло это время,
Вспоминать мне опять и опять
Вечер, пахнувший дымом и прелью,
И твою чуть намокиную рябь.

***

То лист, то былинка вздрогнет,
То рябью оцереятся воды,
На древней, седой дорожке
Цедил я упрямый воздух.
А туч череда сизокрылых
Стеллилась низко над морем.
Исхлёстано небо было
Бичами далёких молний.
Носил ветерок, играя,
Растений усопших семя,
А в сумерках памяти тая,
У ног распуталось время.
Я не камень ступам пляжам,
Ступая на створки мидий,
Тревожную мысли тяжесть –
Себя опознавший в мире.

Вечерний звон

«Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он...»
Так написал слепой певец.
На сон грядущий пел отец,
Припоминая отчий край,
А за окном был месяц май.
Дышала с трепетом сирень,
Свирели птиц венчали день,
И чувств весенних перегрев
Не охлаждал отца напев,
Его печальный баритон:
«Вечерний звон, вечерний звон».

И мир, где пчёл весёлый зуд,
Где звёзд жасминовых салют,
Где вечный шепот карнавала,
Слепому стих не принимал.
Отцу же слышался сквозь сон
Тбилиских храмов перезвон.
Большое сердце не впадал
В ночной ступало циферблат.
Хотел беспомощный старик
Замедлить время хоть на миг.
Оно спешило... Бытие
Уже без радостей моё.
Давно на свете нет отца,
И грустными мыслям несть конца.
Той песни сокровенный смысл
Так вялится мне, и, являя ввысь,
Теперь и я пою, как он:
«Вечерний звон, вечерний звон».